

И.Б. Микиртумов

СЕНТИМЕНТАЛИЗМ И РОМАНТИЗМ: СТРУКТУРА АФФЕКТА*

Микиртумов Иван Борисович – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургской школы гуманитарных искусств и наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; e-mail: imikirtumov@gmail.com

Задача этой статьи – описание структуры сентименталистского и романтического аффектов. Эти структуры задают формы душевной жизни в сентиментализме и романтизме как умонастроениях, определяющих эпохи культуры. Они остаются актуальными для современности и конкурируют в ней. Я отталкиваюсь от различия эмоции и аффекта, которое стало одной их основных тем «аффективного поворота» в социальном и гуманитарном знании. Здесь я следую Брайану Массуми и предполагаю, что эмоции и аффекты – это различные сущности. Эмоция формируется в онтогенезе и работает при непосредственном восприятии как первичная реакция. Аффект подключается позже и может скорректировать эмоцию. В сфере символического, напротив, первыми срабатывают аффекты, а потом уже могут быть подключены эмоции. Дано описание четырехчастного устройства аффекта как такового. На его основе возникают сентименталистская и романтическая сборки частных аффектов. Сентиментализм плюралистичен, видит мир как ризому, работает с экономикой чувств. Сентименталистское человечество скрепляется эмпатическим удовольствием от многообразия чувств. Романтизм отсылает к номадическому, к органическому единству. Его аффекты основаны на сочетании когнитивно постигаемых метафор «схватывает», «поднимает» и «уносит» с interoцепцией состояния органов тела. Романтическое предлагает переживание экстатического перевоплощения, перформативного ментального действия и действия от имени абсолюта. Сентиментализм движется к углублению индивидуальной чувствительности и к совершенствованию навыков управления чувствами; романтизм, напротив, упрощается до низких массовых аффектов. Вывод статьи состоит в том, что в сложных взаимодействиях аффектов двух видов сентименталистские постепенно вытесняют романтические, когда и если способность управлять своими чувствами рассматривается как ценное качество.

Ключевые слова: аффект, эмоция, сентиментализм, романтизм, дискурс, коммуникация

* В работе использованы результаты проекта «Границы современной культуры: природа, технологии и социальные интерфейсы», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Для цитирования: Микиртумов И.Б. Сентиментализм и романтизм: структура аффекта // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 4. С. 19–34.

Поворот к эмоциям и аффектам в гуманитарных и социальных науках произошёл, по разным версиям, в середине 1980-х или 1990-х. Для истории и литературоведения он ознаменовался статьёй Питера и Кэрролл Стернс «Эмоциология: проясняя историю эмоций и их стандартов»¹, а для философов и политологов, скорее, эссе Брайана Массуми «Автономия аффекта»². Различие отправных точек не случайно. Для социальных наук аффекты интересны как явления на границе внутреннего и внешнего, которые, возможно, существенно влияют на познание и действие. Увидеть в аффектах такую силу означает поставить их в ряд с экономическими интересами, с жаждой власти, славы и признания, с волей к истине и к свободе, с интуицией сверхъестественного, с бессознательным и архетипическим, т.е. ввести в науку новый основополагающий концепт, а с ним – новую объясняющую модель.

В этом и состоит «поворот», отчасти вдохновленный модой на когнитивистику и нейронауки. Массуми начинает свое эссе с почерпнутого из литературы описания когнитивно-психологического эксперимента³, интерпретация результатов которого позволяет дифференцировать в аффекте сознаваемое и несознаваемое – автономное. Массуми хочет показать, что аффект в своем основании есть непосредственная реакция, неподконтрольная когнитивным установкам сознания и даже психоаналитическому бессознательному, что позволяет аффекту стать инстанцией свободы выбора, – иногда, возможно, парадоксального, т.е. идущего поперек всему кажущемуся рациональным. Здесь открывается как возможность редукции аффектов к измеримым психофизическим явлениям, так и перспектива доказательного знания об аффектах и соответствующей практики. Теория, которую поддерживает Массуми, рискованна, и послужить ее легитимации должен соответствующий блок естественно-научных данных. Ирония ситуации, однако, в том, что и сам эксперимент, на который ссылается Массуми, и его толкование весьма неоднозначны именно в естественно-научном отношении⁴, так что повод поднять флаг когнитивистики над теорией аффектов оказывается, по-видимому, ложным, и аффекты остаются в сфере философско-антропологических исследований.

¹ *Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *The American Historical Review*. 1985. Vol. 90. No. 4. P. 813–836; *Виницкий И.* Заговор чувств, или русская история на «эмоциональном повороте». (Обзор работ по истории эмоций) // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 5. С. 441–460.

² *Massumi B.* The Autonomy of Affect // *Cultural Critique*. 1995. No. 31: The Politics of Systems and Environments. Part II. P. 83–109; *Массуми Б.* Автономия аффекта // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2020. Т. 13. № 3. С. 110–133; *Rekret P.* Affect and politics: A critical assessment // *Politics, Protest, Emotion: Interdisciplinary Perspectives*. Information School, University of Sheffield, 2017. URL: <https://pressbooks.pub/pauljreilly> (дата обращения: 11.01.2023).

³ *Массуми Б.* Автономия аффекта. С. 110–113.

⁴ *Leys R.* The Turn to Affect: A Critique // *Critical Inquiry*. 2011. Vol. 37. No. 3. P. 450–452, 467–468.

Так или иначе, аффективный поворот произошел⁵, значительно расширилась область социально-политических исследований того, как аффекты, или, в старинной терминологии, «страсти» (*passiones*) возбуждаются, передаются, трансформируются, стихают, чем измеряется их цена, что нужно сделать, чтобы человек охотно включился в переживание аффекта и, наоборот, чтобы он ни при каких обстоятельствах этого не сделал, от каких аффектов невозможно избавиться, однажды начав их переживать, какие аффекты при передаче усиливаются, а какие затухают, наконец, как они сочетаются и отталкиваются. Хотя современная социально-философская теория аффектов еще не сформулирована, за будущее доминирование в ней спорят метафоры в диапазоне от «экономики» аффектов до их «эпидемиологии».

Предметом этой статьи являются базовые структуры двух групп аффектов, имеющих наибольшее значение для социальной коммуникации последних трех столетий, а именно – сентименталистских и романтических. Им соответствуют дискурсы, имеющие понятные идеологические валентности и обеспечивающие *оборот аффектов*. Сентименталистские дискурсы адекватны ризоматической и плюралистической картине мира, в то время как дискурсы романтизма – номадической и центристской, используются носителями идеологий органического единства⁶. Романтизм также нетрудно уличить в близости тоталитарным режимам⁷, пусть даже в деталях это не всегда верно. Сентиментализм же как ведущее умонастроение эпохи барокко, т.е. европейских XVII–XVIII вв., выступает необходимым компонентом всех ее социально-политических построений, а именно: договорных теорий государства, теории естественного права, либерализма и веротерпимости, моделей рационального государственного управления, теории гражданского общества, идей просвещения – как по Мендельсону, так и по Канту, теории морали, эстетики, педагогики и пр. Я не буду касаться истории сентиментализма и романтизма как умонастроений, а постараюсь описать структуру их аффектации.

Аффекты и эмоции

Базовая номенклатура аффектов описана Аристотелем во второй книге «Риторики». Она не потеряла своей актуальности, поскольку учение о страстях предполагается структурой концепта «счастье», очерчивающего цель и смысл человеческого существования. В этой же структуре мы находим концепты «блага», «зла», «прекрасного», «добродетели», «порока». «Счастье» – концепт риторический, т.е. имеет коммуникативную природу. Попытки отнести его в область этики или политики не приводят к убедительным результатам, поскольку содержание «счастья» меняется от теории к теории, от эпохи к эпохе. Неизменными остаются способы коммуникации

⁵ The Affective Turn. Theorizing the Social. Durham, 2007; *Stenner P.* Bridging the Affect – Emotion Divide: A Critical Overview of the Affective Turn // *Affect, Emotion and Rhetorical Persuasion in Mass Communication*. L., 2018. P. 34–55.

⁶ Ср.: *Gross D.M.* The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science. Chicago, 2006.

⁷ *Safranski R.* Romantik. Eine deutsche Affäre. Frankfurt am Main, 2009. S. 366–368.

о счастье и его достижениях, основанные на метафорах части и целого, на правления, становления, цели и равновесия.

Аффекты, имея психофизическую природу, обладают постоянством как интерфейсы телесного. Их переменное содержание сводится к переживаниям, становящимся предметом рефлексии и запускающим действия. Телесное измерение аффекта есть эмоция, доступная не только людям, но и животным⁸, присоединение же когнитивной сферы порождает сам аффект и придает ему четырехкомпонентную структуру. Первым компонентом является положение дел, обстоятельство, вторым – полярность переживания, оцениваемая в диапазоне от максимума положительного до максимума отрицательного, третьим – пропозициональные установки, отражающие убеждения, желания, намерения, наконец, четвертым – предполагаемый порядок действий. Уже в модели Аристотеля возникновение аффекта требует его разрешения и возврата души в неаффицированное состояние, что достигается посредством деактивации одного из компонентов аффекта. Повод для аффектации может исчезнуть сам по себе или быть намеренно устранен, полярность может быть понижена или сведена к нулю, установки могут быть модифицированы и пересмотрены, наконец, действия могут быть реализованы с успехом или провалом, или же признаны нереализуемыми. Социокультурный контекст определяет, какой вариант переживания аффекта является предпочтительным. Например, испытывать гнев подобает человеку, претендующему на значительность, и не подобает рабу, бурная радость приличествует ребенку или юноше, но не старцу или монаху, месть в одном контексте обличает натуру порочную, а в другом – сильную и последовательную, зависть же порочна всегда, сострадание иногда есть проявление слабости, а иногда – глубины. Мудрец свободен от всех аффектаций, в то время как суетный простец всем им подвержен.

История эмоций описывает сменяющие друг друга нормы взаимоотношений с конкретными аффектами и нормы их переживания⁹. Сентиментализм и романтизм задают свои способы чувствования, определяя для каждого аффекта его роль, место и звучание. Оба умонастроения имеют как доктринальное содержание, так и специфические психоэмоциональные основания. Сентиментализм построен на эмпатии, снятии антагонизма, сближении и аналогизирующем уподоблении, в то время как романтизм предполагает разоблачение ложных форм жизни, маскирующихся под очевидное и здоровое, требует их отрицания и смены в перспективе абсолюта, обнаружение и утверждение которого верифицируется при эмоциональной самовозгонке, дающей каскад интероцептивных ощущений «схватывает», «поднимает», «уносит». Таковы, замечу, результаты воздействия музыки – главного для обоих умонастроений инструмента освоения сферы чувств. Ее сентименталистский план открывает бесконечное разнообразие сменяющихся состояний, романтический же дополняет их имитацией трансцендирования в подлинную реальность. На той устойчивой структуре, которую задают риторический концепт счастья и связанный с ним набор аффектов, нормативность

⁸ См.: *Дарвин Ч.* Выражение эмоций у человека и животных // *Дарвин Ч.* Сочинения. Т. 5. М., 1953. С. 681–921.

⁹ *Reddy W.* The Navigation of Feeling: Framework for the History of Emotions. Cambridge. 2001; *Rosenwein B.* Worrying about Emotions in History // *American Historical Review.* 2002. No. 107. P. 821–845.

переживаний, в частности, сентименталистская или романтическая, образуется *сборка аффекта*. Значения его компонентов всегда взаимосвязаны, что определяет, во-первых, социокультурные условия приемлемости аффекта, во-вторых, предпочтительный порядок его переживания.

Если бы мы лучше знали, каково психофизиологическое соотношение аффекта и эмоции, философская дискуссия по этому вопросу была бы излишней, но вопрос остается открытым и для нейронауки. Феноменологически эмоция и аффект признаются, скорее, явлениями различными¹⁰. Современные исследования эмоций восходят к работе Чарльза Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных» (1872). Здесь он пересказывает известный опыт с обезглавленной лягушкой, которая одной лапкой стирает каплю кислоты, нанесенную на другую, что дает основание заключить, что головной мозг для этой операции не необходим¹¹, а в 1960-е гг. Сильван Томкинс предложил сохраняющую свое влияние теорию, согласно которой содержащийся в аффекте эмоциональный ответ представляет собой своего рода рефлекс и может реализовывать «программу аффекта», возможно, вне связи со знаниями и желаниями. Один из его аргументов состоит в том, что мы часто ошибаемся в оценке того, какой аффект переживаем¹². В сфере символического «капля кислоты» есть результат перцепции или элемент содержания. Тогда программа аффекта должна реализовываться в первом случае с использованием структур сознания, но автоматически, без возможности в обычной ситуации остановить, перенаправить и пр. Во втором случае, напротив, реализуется аффект с полноценно осознаваемым содержанием. Вопрос об экономике стоит в центре в обоих случаях. Если мы способны выбирать аффективные программы и влиять на них, т.е. можем бессознательно выбирать желаемое переживание или отказываться от него, то нам придется признать за собой еще один неподконтрольный сознанию механизм, – на этот раз взвешивающий выгоды и затраты от переживания эмоции¹³. Наблюдения за животными подтверждают наличие у них такой способности в отношении действий¹⁴, но не выражения внутренних состояний. Еще один аргумент в пользу неинтенциональности аффектов связан с первичностью эмоций в онтогенезе. Например, можно предположить, что плач приобретает содержание по мере того, как ребенок растет и расширяется его опыт, так как, с одной стороны, выстраиваются устойчивые связи плача с рефлекслируемыми внутренними состояниями, с другой же стороны, – с достижением коммуникативного результата в тех или иных ситуациях¹⁵. В итоге эмоция складывается как устойчивый механизм ответа, но детерминированный взаимодействием со средой, а на нее наслаивается когнитивно прозрачный аффект горестного переживания¹⁶.

¹⁰ *Stenner P.* Bridging the Affect – Emotion Divide. P. 34–55.

¹¹ *Дарвин Ч.* Выражение эмоций у человека и животных. С. 714.

¹² *Tomkins S.* Affect Imagery Consciousness. Vol. 1: The positive affects. N.Y., 1962. P. 248.

¹³ *Griffiths P.* The Degeneration of the Cognitive Theory of Emotions // *Philosophical Psychology*. 1989. Vol. 2. No. 3. P. 293–313.

¹⁴ *Harper D.* Competitive foraging in mallards: «Ideal free» ducks // *Animal Behavior*. 1982. Vol. 30. P. 575–584.

¹⁵ *Leys R.* The Turn to Affect. P. 438.

¹⁶ Очень интересна историческая динамика соотношения базовых горестных эмоций, и культивированного аффекта в истории меланхолии, ныне замененной стрессом и депрессией. См.: *Юханнисон К.* История меланхолии. М., 2021. Напомним, кстати, что в «Мертвых

При исследовании аффектов наиболее интересен их оборот, экономика. В случае когнитивной доступности переживаний она является вполне прозрачной, обусловлена социокультурной средой и ситуацией. Уловка «состояния аффекта», или «чувств, которые заглушают голос разума» состоит в том, чтобы представить аффекты последнего рода как аффекты автономные. Поступая так, мы исходим из предпосылки, согласно которой в известной ситуации всякий человек, ведомый неконтролируемым аффектом, почти с необходимостью совершит известный поступок. Предпосылка эта, однако, сомнительна, если речь идет о публично значимом аффекте, например, политическом. Уже Аристотель экстернализирует экономику аффектов, когда, например, говорит, что гнев требует знания о возможности отомстить и состояния смелости¹⁷. Я думаю, что, отталкиваясь от современного состояния наших знаний и опираясь на экономику эмоций и аффектов, можно исходить из следующих гипотез: (1) если эмоция и аффект – это различные явления, то всякую эмоцию во всей ее автономии можно *post factum* объяснить как своего рода «механизированный» аффект и тем самым поставить под контроль, а всякий аффект содержит в себе эмоцию, которая его не исчерпывает; (2) в ситуации непосредственного восприятия вещей и событий, по отношению к которым имеется механизм эмоционального ответа, эмоция действует автономно, т.е. подчиняясь собственной экономике; при этом в публичной сфере одновременно запускается аффективная реакция, при формировании которой эмоция может быть скорректирована, подавлена, или, напротив, интенсифицирована; (3) при символической репрезентации вещей и событий эмоция запускается внешним по отношению к ней аффектом, если это оправдано его экономикой. Так, например, радость или страх при непосредственном взаимодействии с нашими друзьями или врагами включаются вне зависимости от того, целесообразно ли в конкретном случае переживать и выражать соответствующие аффекты. Наслаивающийся поверх аффект модулирует уже работающую эмоцию так, чтобы его переживание принесло максимум блага. Если же мне лишь рассказывают о моих друзьях или врагах, а сами они отсутствуют в перцептивном поле, то эмоция возникает или не возникает тогда, когда я оцениваю соответствующий аффект как желательный. Вымышленная реальность фантазии или произведения искусства играет для меня роль тренировочной площадки, позволяющей научиться работать с эмоциями и аффектами в разных случаях их возникновения и актуализации.

Сентименталистская сборка

«Эпоха чувствительности» в европейской литературе начинается с первой трети XVIII в.¹⁸, но сама эмансипация чувств частного человека, право на которую дает как социальное положение, так и «сердце», т.е. прирожденная индивидуальная способность чувствовать, имеет свои корни в эпохе

душах» Гоголя роль меланхолика отведена Собакевичу: «Тут Собакевич погрузился в меланхолию» (гл. 7).

¹⁷ Аристотель. Риторика // Античные риторика. М., 1978. С. 73, 84.

¹⁸ Веселовский А.Н. Эпоха чувствительности // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л., 1939. С. 487.

Ренессанса и проявляется в наиболее развитых странах Европы столетием раньше. XVII в. знаменуется появлением богатых государств, конкурирующих за влияние в Европе и за эксплуатацию третьего мира. Это происходит на фоне расширения элиты, роста буржуазии и начала процессов формирования политических наций в современном значении этого слова. Культурное производство приобретает новый масштаб и характер. Гораздо лучше, нежели литература, об этом свидетельствуют расцвет музыки, театра, эпистолярного жанра, дневника, этикета, индустрии мод, садоводства, кулинарии и прочих искусств, ремесел и практик, востребованных сложно организованной частной жизнью продвинутых и догоняющих их сословий. Во дворце эта культура становится частью политики и санкционирует изменения образа жизни, дискурсов, ориентаций всего общества, проникая же в нижестоящие слои, она предлагает любому человеку испытать свои разум и чувства и тем самым увидеть свое место в социуме и мире. В целом происходит открытие в себе способности испытывать разнообразные состояния и управлять ими, открытие способности сопереживать другому и понимать его, удивление многообразию других людей, их чувств и состояний, а также принятие этого многообразия. Формирующиеся качества нужны для жизни в плотном социальном окружении, в интенсивных контактах и взаимодействиях с примерно равными себе, а также с публичными институтами скорее, нежели с властвующими персонами. Все больший объем приобретает широкая политическая коммуникация, в которой обращаются символические сущности – образы, идеи и аффекты.

Открытие себя как чувствующего не имело бы значения, если бы не позволило увидеть чувствующим другого. Главным социальным аффектом становится сострадание¹⁹, сборка которого предусматривает универсальность и экспансию, так что сострадать следует всему живому, а иногда, возможно, и неживому. Сострадание трактуется как естественное переживание, нравственное чувство, обеспечивающее возможность человеческого общежития. На нем выстраивается сентименталистская этика, а с ней и эстетика. Я сам и все другие люди становятся привлекательны и интересны как носители особенностей душевной жизни, взаимодействия людей начинают пониматься как «театр чувств», или характеров, несущий с собой новый вид эстетического наслаждения.

Чувства работают здесь как интерфейс человека, т.е. как каналы его взаимодействия с окружающим, которыми можно и нужно разумно управлять. Как выглядит рациональная экономика аффектов, можно понять, например, из теории Френсиса Хатчесона (1694–1747), одного из философов-моралистов эпохи. Здесь «...желание столь же отлично от ощущения, как воля от рассудка или чувства. Это должен признать всякий, кто говорит о *желании устранить беспокойство или боль*», так что, если за наличие какого-либо «добродетельного аффекта» мы ожидаем вознаграждения, то у нас возникнет «желание иметь этот *аффект*, и это будет склонять нас использовать все средства для того, чтобы его в себе возбудить», ибо именно «мотив пользы», появляясь повсеместно, «должен перевесить все мотивы, ведущие к пороку»²⁰. Хатчесона

¹⁹ Nussbaum M. *Upheavals of Thought: The Intelligence of the Emotions*. N.Y., 2001. P. 354–355.

²⁰ Hutcheson F. *An Essay on the Nature and Conduct of the Passions and Affections, with Illustrations on the Moral Sense*. Indianapolis, 2002. P. 29.

относят к первым нон-когнитивистам²¹, поскольку «естественные» благо и зло он соотносит не с концептуализируемыми характеристиками положений дел, а с удовольствием и страданием²². Это позволяет описать порядок того, как мы должны работать с неизбежными сочетаниями приятных и беспокоящих аффектов, на какие аффекты отваживаться, каких избегать²³, в частности, как сочетать публичные и частные аффектации²⁴. В целом распознавание, анализ и регулирование аффектов – это необходимые для достижения счастья навыки, владеть которыми позволяют ум и хорошо знающая себя рефлекслирующая душа, если первый разделяет идею общего блага и руководствуется здравым смыслом.

Высшей точкой сентиментализма можно считать творчество Жан-Жака Руссо, – создателя интерфейса чувств, т.е. коммуникативного аппарата, позволяющего постигать «сердце», читать в нем и эстетически им наслаждаться. Сентименталистское «сердце» соотносится с воспринятым позже и романтизмом идеалом «прекрасной души», т.е. такой, для которой реализовалось античное *kalos kai agathos*, когда прекрасное совпадает с нравственно совершенным, а должное – с предметом желания. В сфере политического это означает исчезновение различия между идеалом и интересом, так что возникает образцовый гражданин, действующий лишь так, как велит ему разум, и реализующий при этом волю души. Коммуникация в этом случае должна начинаться с согласования идеалов, для чего Руссо разрабатывает такой дискурс «сердца», который может быть распространен на все сферы жизни.

В «Исповеди» (1782) Руссо часто называет себя сумасбродом²⁵ и безумцем. Это ироническая литота, обличающая мнимую разумность, практичность, научность, моральность и пр. Сумасбродство состоит в том, чтобы совершать поступки всегда по велению «сердца», простирающего сеть тонко развитых «чувств». При этом поступки оказываются не только «верными», но и «простыми», в отличие от всего того, что предлагает так называемая цивилизация. «Сердце» живет, оно подвижно, его настроения все время меняются, и назвать это недостатком или тем самым сумасбродством можно, лишь предпочитая искусственное естественному.

По своему происхождению сумасбродство – это континентальная версия чудачества, открытого и развитого в Англии на подъеме сентиментализма и возведенного Лоренсом Стерном в достоинство жизни мудреца. Речь идет о праве быть своеобразным и в этом качестве принимаемым окружающими. Оно не в равной степени распространяется на все сословия и на все аспекты жизни, но в английском романе XVIII в. мы видим своеобразие у представителей почти всех сословий, в то время как его лишены носители пороков: стяжатели, сластолюбцы, завистники, тупицы и пр. Симпатия к людям простого звания, – крестьянам, ремесленникам, служащим – часто выражается в наделении такого рода персонажей чудачествами милыми,

²¹ Dorsey D. Francis Hutcheson // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/hutcheson> (дата обращения: 11.11.2022).

²² Hutcheson F. An Essay on the Nature and Conduct of the Passions and Affections. P. 34.

²³ Ibid. P. 40–41.

²⁴ Ibid. P. 46–47.

²⁵ Перевод *la folie* в русском издании «Исповеди» (Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1961. С. 9–569) удостоверяется известными строками из «Евгения Онегина», где Пушкин называет Руссо «красноречивым сумасбродом».

т.е. придания им личной характерности за пределами сословной определенности. Здесь возникает театр характеров, или типов, в который позже были подселены герои и героини романтизма, из этой типизации совершенно выпадающие, обычно ходульные и чуждые всему своеобразному.

На континенте право на своеобычие иногда и вовсе не признается. Чуждачество либо бдительно отождествляется с подрывом оснований, либо квалифицируется как самодурство, неразумие или безумие, как оскорбление религии, чувств, авторитетов. Но и по другую сторону канала готовы терпеть не все. Давид Юм, после известной ссоры с Руссо, называл его «чернейшим и отвратительнейшим мерзавцем²⁶... каких только свет видел»²⁷, поскольку сделался жертвой той степени непостоянства последнего, которая не укладывается ни в какое приемлемое чуждачество. Руссо сознательно ускользает от этой квалификации, когда до него доходят слова Юма «...у меня есть Руссо»²⁸. Юм потом объяснял, что процитировал из Плутарха относящееся к Фемистоклу радостное восклицание персидского царя, Руссо же не собирался становиться чьим-то антиком, хотя неизменно манил богатых покровителей такой возможностью, обманывая потом их доверие. Житейское приложение сил Руссо происходит в сфере аффективной коммуникации, успехи в которой делают его попеременно слугой, приживальщиком, альфонсом, попрошайкой, гонимым властями героем, хронически больным, дипломатом, наперсником умирающего, воспитателем чужих детей, политическим трибуном и т.д. Руссо насыщает «Исповедь» скандальными для его времени деталями и личными признаниями, описаниями диковатых и экстравагантных поступков, что делает текст герметичным. Каждый сюжетный ход сопровождается объяснениями связанных с ним чувств, и условие принятия «Исповеди» состоит в том, что любое действие, мотивированное чувством, может быть понято и оправдано, а жизнь в целом имеет смысл, когда является жизнью «сердца».

Таким образом, радикальный сентиментализм, в котором непосредственность душевных проявлений отражает сущность, или природу человека, реализует модель вполне автономной эмоции, модулируемой аффектом. Ценность свободы первой превышает все возможные выгоды от последнего, поскольку формы культуры и цивилизации объявляются ложными. В умеренном сентиментализме баланс между эмоцией и аффектом создается как результат эстетической легитимации «театра чувств»: способность играть ими неотделима от способности их испытывать, все вместе несет наслаждение многообразием человеческого, которое скрепляет сентименталистское человечество.

Возгонка эмоции

Романтическая сборка аффектов имеет две стороны. Первая – это выражаемая метафорами последовательность «тонких» состояний, которые «схватывают», «поднимают», «уносят», являющаяся составной частью

²⁶ Вольно или невольно он употребляет слово *villain*, которое имеет также значение «смерд».

²⁷ Klein D.B. To Tolerant England and a Pension from the King: Did Hume Subconsciously Aim to Subvert Rousseau's Legacy? // Econ journal watch. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 344.

²⁸ Ibid. P. 346.

эмоциональных реакций восхищения, блаженства, растворения и пр. Вторая сторона – это «грубое» интероцептивное основание всех этих метафор, состоящее в сокращениях диафрагмы, известных нам, например, по интервалам свободного падения или ускорения на качелях и иных аттракционах. Связь первого (феноменального) и второго (физиологического), по-видимому, случайна, – тут следует согласиться с мнением Дарвина²⁹, но именно эта двухкомпонентность, соединяясь с содержанием, порождает аффект исключительной интенсивности и одновременно простоты, – романтический.

Содержательно романтическое начинается с идеи или с мифа, которые открывают абсолют. Это не бог какой-либо религии, абсолют получен в результате гипостазирования завершающихся движений «поднимает», «уносит», т.е. основывается на предвосхищении. Чтобы отдать себя во власть идеи или мифа не наивно, необходимо совершить эмоциональную возгонку, достичь измененного состояния сознания, своего рода «опьянения», модифицирующего оптику, в которой предстают предметы мира, и в которой начинает казаться, что твои индивидуальные воображение и воля получают силу определять реальность. Это ключевой момент романтического аффекта, который, с одной стороны, содержит в себе миметическую перцепцию, а с другой, – специфическую перформативность. Миметическая перцепция состоит в том, что я должен смотреть на вещи не своими глазами, а перевоплотившись в существо, которому доступно правильное видение мира, что требует от меня постоянного интеллектуального и волевого усилия. Перформативность же относится как к словам, так и к поведению: я считаю, что, совершая некоторое действие, я его легитимирую. Подразумевается, что совершение действия либо оправданно в перспективе достижения абсолюта, либо служит примером для других, либо, наконец, создает норму. Так, герой-одиночка совершает лишнее практического смысла опасное политическое действие, оказывается в тюрьме и гибнет на эшафоте, полагая, что тем самым отстаивает справедливость как таковую, что мир приходит к большему совершенству, что возникает образец для подражания. Учитывая, что романтизм не религия и не система магических или мистических практик, никакого внешнего основания такой перформатив получить не может, и считать его успешным можно только при восприятии происходящего в контексте миметического перевоплощения. Здесь работает способ связи с абсолютным, полученный в результате секуляризации религиозно-мистических практик визионерства и откровения. Носитель романтического аффекта – это всегда посредник между абсолютным и толпой, наделенный благородной задачей освобождения людей от ложных форм сознания и жизни и реализующего ее, вне зависимости от того, хотят этого люди или нет, всеми средствами, в которых эстетически можно усмотреть возвышенное.

Возгонка базовой эмоции в конкретной ситуации происходит в результате формирования на ней аффекта. Любой аффект можно переживать романтически, если внести в него абсолют, придать установкам миметический характер, действиям – перформативность, а экономику выстроить на удовольствии от созерцания вещей в новой оптике и от перформативного действия как такового. Романтическое воодушевление предвкушает такого рода удовольствие как высшее благо и имеет долговременный стратегический характер. Анонсировать себя в качестве агента высших сил, обнаружить

²⁹ Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных. С. 755–756.

готовность к масштабным свершениям и самопожертвованию означает завысить высокие ставки. Поскольку у романтика нет мирских ресурсов, обеспечением ставок является его способность перевоплотиться и индуцировать окружающих. Вместе с совокупностью обстоятельств, ставящих романтика в центр ситуации, это создает романтическую харизму. Чаще всего героические усилия возвращают романтику удовольствие чистое, т.е. в практическом смысле заканчиваются катастрофой. Неудачники, образы которых наполняют художественную литературу XIX–XX вв., страдают, как правило, от рассогласования со средой, нежели от недостаточности своего романтического порыва. Люди не понимают романтика, полиция и чахотка подстерегают его на каждом шагу, что не мешает возгонке, героическому воодушевлению и славным поступкам, оценить которые могут лишь избранные из ближнего круга – и будущие поколения. Романтическая аффектация исторична и предполагает надежную коммеморацию.

Как могло появиться столь странное умонастроение? Рюдигер Сафрански полагает, что поначалу это был ответ молодых немецких интеллектуалов на периферийность германского мира, выразившийся в очень элитарной идеологии, для которой ложным был мир филистеров-бюргеров, интересов денег, власти, славы, комфорта, развлечений, а истинным – мир искусства, чистых чувств, народной культуры, средневековой религиозности, детства и, наконец, природы³⁰. Все это не могло появиться без сентименталистского основания, но имело противоположную динамику. Сентиментализм начинается как социально конструктивное движение, а заканчивается радикальными формами Руссо и де Сада. Романтизм же начинается с радикальных форм, будь то Гёльдерлин, Новалис или Фихте, а заканчивается империализмом XX в., который использует хорошо освоенную в культуре сборку романтического аффекта в политической технологии соблазнения человека, но только не перспективами перевоплощения в героя – вождя, коллективного совершенствования мира или личной самореализации в искусстве, а наслаждением от созерцания разгула силы, от своей идентификации с этой силой, от трепета и страданий ее недостойных жертв, этих «необходимо плохих». Поэтому самым массовым и действенным аффектом романтической сборки является описанный Ницше ресентимент – мстительная зависть. Она сочетает в себе низкий характер, – признаваться в зависти стыдно, – с агрессией мстителя. Мщение же совершается ради себя, а не ради общего блага, т.е. порождает череду дурных дел, каждое из которых повышает цену покаянного признания себя завистником и снятия аффекта. Ресентимент может долго поддерживать сам себя.

На движении трансцендирования «схватывает, поднимает, уносит» основаны многие психофизические практики. Ближайшим историческим предшественником романтической аффектации является магическое воодушевление (*furog*) Ренессанса, которое, по-видимому, через розенкрейцерство и масонство³¹ доходит от Джордано Бруно и иных герметиков до конца XVIII в. Сборка аффектации, которую можно найти в трактате Бруно «О героическом энтузиазме» (1585), почти идентична романтической. Тут и миметическая перцепция, в основание которой ставится магическая сила любви³²,

³⁰ См.: Safranski R. Romantik.

³¹ Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2018. С. 311, 462–464.

³² Бруно Дж. О героическом энтузиазме. М., 1953. С. 68.

и энтузиастическое восхождение из дольного мира в горный посредством созерцания и воображения³³, имеющее характер перформативного поведения, каковым и является магия.

В структуре романтического присутствует автономная эмоция трансцендирования, и этот корень романтизма не следует упускать из виду, если мы хотим понять парадоксальную успешность опьяняющих аффектов романтической сборки. При этом вся экономика и вся целесообразность остаются на стороне аффекта, т.е. когнитивного содержания. Возгонка не бывает случайной, мы решаемся на нее осознанно.

Заключение: чувства без абсолюта и абсолют без чувств

Романтический аффект невозможен без способности чувствования, потому что миметическая перцепция есть особый род перевоплощения, когда человек придает себе черты воображаемого другого, причем подлинного, ведущего жизнь не ложную, а истинную. Все производные романтические переживания, в том числе доступные массам, предполагают это базовое ощущение подлинности. Без развитой сентименталистской аналогизирующей апперцепции, позволяющей увидеть другого подобным себе, этого достичь нельзя. Сентименталистское и романтическое наслаждения в этой точке возникают одновременно, но разрешаются по-разному. Романтизм порождает перформативные действия, их провалы приводят к катастрофам, от них происходит возврат к исходному мифу, следуют новые мимесис и героическое опьянение, новое неудачное действие и т.д. Романтизм цикличен, что легко заметить по развитию идеологий и дискурсов. Сентиментализм, напротив, линейен. Наслаждение множественностью реализаций человека поддерживает лишь новые и новые открытия индивидуального, совершенствование политической организации, позволяющей это множественное в себя вместить. Социальная программа сентиментализма весьма проста и приземлена, – плюрализм, толерантность, общее благо, справедливость, но без нее остаются лишь упражнения в сумасбродстве, парад идентичностей без взаимного желания их уважать и ценить. Романтизм без чувственного наполнения становится торговлей примитивными возвышающимися состояниями, которые открывают дорогу низким аффектам, поддержание которых институционализируется в формах социального подавления, ханжества и практик имитации. Обе сборки в радикальных вариантах несовместимы друг с другом, тогда как средняя их интенсивность, характерная для современности, образует устойчивое сочетание линейного движения сентименталиста с цикличностью романтика. Аффекты романтические подпитывают основания сентиментализма, а аффекты сентименталистские позволяют романтическому преодолевать постоянные для него катастрофы.

Конкурирующие романтические аффекты апеллируют то к одним, то к другим группам чувств, предполагая их переход в действия, так что человек примеривает аффектации сообразно следствиям для себя в пространстве чувств, если достаточно знает их, т.е. может перекодировать некоторый аффект в чувства и даже в эмоцию. Искусность в этом деле формируется культурой, общением, сентименталистской практикой и разрушает притязания

³³ Там же. С. 124.

романтических конструктов на доминирование. С другой стороны, полное неумение работать с чувствами не позволяет аффекту вообще начать действовать. Лишь некое среднее состояние может выстроить устойчивую связь между аффектом, чувством и действием. Оно должно иметь сначала умеренную интенсивность и зависеть от экономической выгоды аффекта, но, поскольку это непосредственно определяется искусностью работы с чувствами, каждый новый опыт и каждая новая ситуация будут придавать большую цену чувству, нежели аффекту. Вследствие этого результативность романтической аффектации при прочих равных условиях должна ослабевать, а соответствующий дискурс замещаться сентименталистским. Высокая или низкая искусственность в чувствах ослабляет романтические аффектации и только умеренное владение чувствами дает им простор для действия.

Список литературы

- Аристотель*. Риторика / Пер. с древнегреч. Н. Платоновой // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 15–165.
- Бруно Дж.* О героическом энтузиазме / Пер. с итал. Я. Емельянова, Ю. Верховского, А. Эфроса. М.: Художественная литература, 1953. 212 с.
- Веселовский А.Н.* Эпоха чувствительности // *Веселовский А.Н.* Избранные статьи. Л.: Художественная литература, 1939. С. 487–500.
- Виницкий И.* Заговор чувств, или русская история на «эмоциональном повороте». (Обзор работ по истории эмоций) // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 441–460.
- Дарвин Ч.* Выражение эмоций у человека и животных / Пер. с англ. // *Дарвин Ч.* Сочинения. Т. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 681–921.
- Йейтс Ф.А.* Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.
- Массуми Б.* Автономия аффекта / Пер. с англ. Г.Г. Коломийца // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2020. Т. 13. № 3. С. 110–133.
- Руссо Ж.-Ж.* Исповедь / Пер. с фр. Д.А. Горбова и М.И. Розанова // *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения. Т. 3. М.: Изд-во художественной литературы, 1961. С. 7–568.
- Юханнисон К.* История меланхолии / Пер. со швед. И. Матыгиной. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 340 с.
- Dorsey D.* Francis Hutcheson // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/hutcheson> (дата обращения: 11.11.2022).
- Griffiths P.* The Degeneration of the Cognitive Theory of Emotions // *Philosophical Psychology*. 1989. Vol. 2. No. 3. P. 293–313.
- Gross D.M.* The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 194 p.
- Harper D.* Competitive foraging in mallards: «Ideal free» ducks // *Animal Behavior*. 1982. Vol. 30. P. 575–584.
- Hutcheson F.* An Essay on the Nature and Conduct of the Passions and Affections, with Illustrations on the Moral Sense / Ed. by A. Garret. Indianapolis: Liberty Fund, 2002. 256 p.
- Klein D.B.* To Tolerant England and a Pension from the King: Did Hume Subconsciously Aim to Subvert Rousseau's Legacy? // *Econ journal watch*. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 327–350.
- Leys R.* The Turn to Affect: A Critique // *Critical Inquiry*. 2011. Vol. 37. No. 3. P. 434–472.
- Massumi B.* The Autonomy of Affect // *Cultural Critique*. 1995. No. 31: The Politics of Systems and Environments. Part II. P. 83–109.
- Nussbaum M.* Upheavals of Thought: The Intelligence of the Emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001. 751 p.
- Reddy W.* The Navigation of Feeling: Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

- Rekret P.* Affect and politics: A critical assessment // *Politics, Protest, Emotion: Interdisciplinary Perspectives* / Ed. by P. Reilly, A. Veneti, D. Atanasova. Information School, University of Sheffield, 2017. URL: <https://pressbooks.pub/pauljreilly> (дата обращения: 11.01.2023).
- Rosenwein B.* Worrying about Emotions in History // *American Historical Review*. 2002. No. 107. P. 821–845.
- Safranski R.* Romantik. Eine deutsche Affäre. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 2009. 415 S.
- Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *The American Historical Review*. 1985. Vol. 90. No. 4. P. 813–836.
- Stenner P.* Bridging the Affect – Emotion Divide: A Critical Overview of the Affective Turn // *Affect, Emotion and Rhetorical Persuasion in Mass Communication* / Ed. by L. Zhang, C. Clark. L.: Routledge, 2018. P. 34–55.
- The Affective Turn. Theorizing the Social* / Ed. by P.T. Clough, J. Halley. Durham: Duke University Press, 2007. 328 p.
- Tomkins S.* Affect Imagery Consciousness. Vol. 1: The positive affects. N.Y.: Springer, 1962. 522 p.

Sentimentalism and romanticism: the structure of affect

Ivan B. Mikirtumov

National Research University “Higher School of Economics”. 16 Sojuza Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190121, Russian Federation; e-mail: imikirtumov@gmail.com

The purpose of this article is to describe the structure of sentimental and romantic affects. These structures set the forms of the life of the soul in sentimentalism and romanticism as spiritual movements that determine the epochs of culture. They remain relevant to the present and compete in it. I am starting from the distinction between emotion and affect, which has become one of the main themes of the “affective turn” in social sciences and humanities. Here I follow Brian Massumi and suggest that emotions and affects are distinct entities. Emotion is formed in ontogenesis and works with direct perception as a primary reaction. The affect connects later and can correct the emotion. In the sphere of the symbolic, on the contrary, affects are the first to work, and then emotions can already be connected. The description of the four-part structure of affect as such is given. On its basis, sentimental and romantic assemblages of specific affects arise. Sentimentalism is pluralistic, sees the world as a rhizome, works with the economy of feelings. Sentimentalist humanity is held together by an empathic pleasure in a variety of feelings. Romanticism refers to the nomad and to organic unity. His affects are based on a combination of cognitively comprehended metaphors “grasps”, “lifts” and “carries away” with the interoception of the body’s organs. The Romantic offers the experience of ecstatic reincarnation, performative mental action, and action on behalf of the absolute. Sentimentalism is moving towards deepening individual sensitivity and improving the skills of managing feelings; romanticism, on the contrary, is simplified to low mass affects. The conclusion of the article is that in the complex interactions of the two types of affects, the sentimental ones gradually replace the romantic ones, when and if the ability to control one’s feelings is considered as a valuable quality.

Keywords: affect, emotion, sentimentalism, romanticism, discourse, communication

For citation: Mikirtumov, I.B. “Sentimentalism i romantizm: struktura affekta” [Sentimentalism and romanticism: the structure of affect], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 4, pp. 19–34. (In Russian)

References

- Aristotle. "Ritorika" [Rhetoric], trans. by N. Platonova, *Antichnye ritoriki* [Ancient Rhetorics], ed. by A.A Takho-Godi. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1978, pp. 15–165. (In Russian)
- Bruno, G. *O geroicheskom ehntuziazme* [On Heroic Enthusiasm], trans. by Y. Emel'yanov, Y. Verkhovskii, A. Ehfros. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1953. 212 pp. (In Russian)
- Clough, P.T. & Halley, J. (eds.) *The Affective Turn. Theorizing the Social*. Durham: Duke University Press, 2007. 328 pp.
- Darwin, Ch. "Vyrazhenie ehnotsii u cheloveka i zhivotnykh" [Expression of emotions in humans and animals], in: Ch. Darwin, *Sochineniya* [Works], Vol. 5. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1953, pp. 681–921. (In Russian)
- Dorsey, D. "Francis Hutcheson", *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. by E. Zalta [https://plato.stanford.edu/entries/hutcheson, accessed on 11.11.2022].
- Griffiths, P. "The Degeneration of the Cognitive Theory of Emotions", *Philosophical Psychology*, 1989, Vol. 2, No. 3, pp. 293–313.
- Gross, D.M. *The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science*. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 194 pp.
- Harper, D. "Competitive foraging in mallards: 'Ideal free' ducks", *Animal Behavior*, 1982, Vol. 30, pp. 575–584.
- Hutcheson, F. *An Essay on the Nature and Conduct of the Passions and Affections, with Illustrations on the Moral Sense*, ed. by A. Garret. Indianapolis: Liberty Fund, 2002. 256 pp.
- Juhannison, K. *Istoriya melankholii* [History of melancholy], trans. by I. Matytsina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 340 pp. (In Russian)
- Klein, D.B. "To Tolerant England and a Pension from the King: Did Hume Subconsciously Aim to Subvert Rousseau's Legacy?", *Econ journal watch*, 2021, Vol. 18, No. 2, pp. 327–350.
- Leys, R. "The Turn to Affect: A Critique", *Critical Inquiry*, 2011, Vol. 37, No. 3, pp. 434–472.
- Massumi, B. "Avtonomiya affekta" [The Autonomy of Affect], trans. by G.G. Kolomiits, *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 3, pp. 110–133. (In Russian)
- Massumi, B. "The Autonomy of Affect", *Cultural Critique*, 1995, No. 31: The Politics of Systems and Environments, Part II, pp. 83–109.
- Nussbaum, M. *Upheavals of Thought: The Intelligence of the Emotions*. New York: Cambridge University Press, 2001. 751 pp.
- Reddy, W. *The Navigation of Feeling: Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 pp.
- Rekret, P. "Affect and politics: A critical assessment", *Politics, Protest, Emotion: Interdisciplinary Perspectives*, ed. by P. Reilly, A. Veneti, D. Atanasova. Information School, University of Sheffield, 2017 [https://pressbooks.pub/pauljreilly, accessed on 11.01.2023].
- Rosenwein, B. "Worrying about Emotions in History", *American Historical Review*, 2002, No. 107, pp. 821–845.
- Rousseau, J.-J. "Ispoved'" [Confessiones], trans. by D.A. Gorbov and M.I. Rozanov, in: J.-J. Rousseau, *Izbrannye sochineniya* [Selected works], Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1961, pp. 7–568. (In Russian)
- Safranski, R. *Romantik. Eine deutsche Affäre*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 2009. 415 S.
- Stearns, P.N. & Stearns, C.Z. "Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards", *The American Historical Review*, 1985, Vol. 90, No. 4, pp. 813–836.
- Stenner, P. "Bridging the Affect – Emotion Divide: A Critical Overview of the Affective Turn", *Affect, Emotion and Rhetorical Persuasion in Mass Communication*, ed. by L. Zhang, C. Clark. London: Routledge, 2018, pp. 34–55.
- Tomkins, S. *Affect Imagery Consciousness, Vol. 1: The positive affects*. New York: Springer, 1962. 522 pp.

- Veselovskii, A.N. "Ehpokha chuvstvitel'nosti" [Age of sensitivity], in: A.N. Veselovskii, *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1939, pp. 487–500. (In Russian)
- Vinitskii, I. "Zagovor chuvstv ili russkaya istoriya na 'ehmotsional'nom povorote'. (Obzor rabot po istorii ehmtsii)" [Conspiracy of feelings or Russian history at the 'emotional turn'. (Review of works on the history of emotions)], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, No. 5, pp. 441–460. (In Russian)
- Yates, F. *Dzhordano Bruno i germeticheskaya traditsiya* [Giordano Bruno and the Hermetic Tradition], trans. by G. Dashevski. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 520 pp. (In Russian)